

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Вообще-то у меня и выхода-то другого не было. Спасать друга приходилось в силу каких-то, ну, просто, фатальных, обстоятельств. Только никаким другим мне этот салобон не был, более того, мне с ним, молодым, запахло было общаться. Всерьез. Ладно, это я конечно, со злости. Мне эти их «сословные» различия были глубоко безразличны.

Мы возвращались в полк с точки «Остонец», спускались в тысячный раз по осточертевшему маршруту, хотя, конечно, очень опасному. «Остонец» находился на одной из самых высоких окрестных сопок, и спуск был почти отвесным. Но Пашка, боец, уже знал его вполне себе, ориентировался среди валунов и ям почти вслепую. Бог его знает, как ГТС угодила в эту колдобину. Скорее всего, она была недавней, и он ее прозевал. Самоходка мгновенно перевернулась три раза, но повезло : попала на ровную площадку и стала на гусеницы. Меня выбросило сразу, ехал с открытой дверцей, а водитель застрял в машине. Я лежал без сознания около нее, но огненный ручеек мигом закатился под икру моей левой ноги, и пронзил молодой растущий организм такой дикой болью, что я вздернулся, и начал катать ногу об влажный ягель. Огонь погас, но сгоревшая хэбешная штанина оказалась припаянной к коже. Впрочем, это я уже потом обнаружил. А в тот момент, уже ни боли, ни страха, честно говоря, я вообще не испытывал. Все звенело, дрожало, и ничего не было понятно. Болевой шок.

С этой минуты я получил особую примету : левая икра затянута блестящей бесцветной пленкой. Моя кожа сгорела. Родная кожа. К едреной фене.

Через минуту-другую я все же пришел в себя, и увидел занимающуюся огнем самоходку, а в кабине Пашку, полулежащего на сиденье, со склоненной на бок башкой. Ничего особенного я и тут не испытал, но автомат сработал четко – мне показалось, что какое-то время у меня есть. Дело вот в чем. Я еще тогда, в юности, заметил за собой такую особенность – я чувствую время. Всегда могу определить, без часов, сколько его натикало – плюс минус пять минут. И здесь понял, успею за бойцом. Так оно и получилось. Слава Богу, дверцу не заклинило, я вытащил тощего Пашку из кабины, и, без особых усилий, схватив его за ноги, поволок за ближайший здоровенный валун. Прокатившись своей непутевой башкой по мокрому мху, он очнулся. Мы сидели на корточках за камнем и смотрели с двух сторон, как уже вовсю полыхает машина.

- Ща, - сказал Пашка, и протянул тощую лапу, - закурить не дадите, товарищ дембель?

- Что ща?

- Ща грохнет. Сигаретку не дадите?

- Я тебе дам. Я тебе сейчас по ушам дам, а не сигаретку. Оборзел. Ты че натворил? Ты куда глядел, а?!

Шок проходил. Боль постепенно наполняла меня. И в это время гроыхнул взрыв такой силы, что мы попадали. Уши заложило напрочь. Мы встали и побрели по тундре в полк.

- На дороге, у моста, - вдруг завопил Пашка.

Я притормозил.

- Тебя не тошнит, случаем?

- Че эта? Че эта тошнит-то?

- Ну, башка-то как? Уцелела? Не плывет перед глазами?

- Да ну што, товарищ дембель...

- А че орешь тогда?

- Так эта я частушку...

Может, не надо было его вытаскивать. Грешная мысль мелькнула и пропала. Я опять немного притормозил и посмотрел на него. Маленький, тощий, весь в саже...Сынок. Кличку дали сразу же.

- Тьфу ты, - чертыхнулся я вслух и подумал – бес в голову лезет. Это от боли. От адской боли. Идти пока еще было нормально, но жжение все разрасталось, уже вглубь, до кости. Через полчаса в санчасти полка фельдшер сержант Саня Шмаков отодрал, живодер, одним взмахом, припеченную хэбешку, обработал рану, положил повязку из мази Вишневского, но я сразу сказал ему – мне эта мазь как мертвому припарка. Губы у меня побелели, и я чувствовал, что еще чуть-чуть, и я вырублюсь.

- А то я сам не знаю. Завтра отведу тебя в госпиталь, в Урелики.

- Какой завтра, Саня! Какой завтра! Бери машину и поехали. Не представляешь, как болит.

- Да? Ну ладно. А я то выпить с тобой хотел. Потому и на завтра все перенес.

И он достал бутылку водки. Я уже полгода в рот спиртного не брал.

- Черт с тобой. Давай завтра.

- Другой разговор. Ну, рассказывай, как это вас угоразило...

Через час я уснул. Ночью меня разбудил Шмаков.

- Вставай!

Спросонья и от нескончаемой боли я малость шизанул.

- Че, опять на «Останец»?! А как же рана? Дайте оклематься-то.

- Да какой «Останец», - отмахнулся фельдшер. – Комполка пришел. Тебя требует.

Полковник сидел за столом в кабинете старлея Гурского, начальника санчасти. Старлей испуганно стоял, вытянувшись, и молчал. Полковник тоже молчал, но при этом он еще сверлил несчастного врача своим тяжелым взглядом.

- Садись. А ты, Гурский, исчезни.

Теперь он решил меня со свету сжить своим свинцом. Честное слово, девять грамм в лоб...

- Допрыгался!

Я молчал. Полковник встал, подошел поближе.

- Ты хоть понимаешь, что в полку ЧП! Сидел бы себе на КП, чего тебя черт понес на «Останец»? Ну, специалист, никто у тебя этого и не отнимает. Так учи других, а не сам за каждой станцией мотайся!

- Что молчишь!

Я встал.

- Разрешите доложить!

- Ну что? Что ты мне можешь доложить? Что ГТСку теперь как-то надо по тихому списывать?! Или, что если болтать ты, или этот придурок, начнете, мне генерала не видать? В этом году?! Это хочешь доложить?

- Никак нет. Если бы я станцию на «Останце» не прозвонил, сорок процентов не просматривали бы. И опять ихнюю разведку где-нибудь визуально чукчи у Майно - Пыльгино обнаружили. «Американская самолетка». Вот тогда уж действительно, какой генерал! Второй раз подряд...

- Что - то ты, Ершов, разговорился, едрена мать. Ладно, за службу спасибо. Но теперь в командировки только у меня спрашивайся. Никакого начальника штаба. И к его Светке на чаи перестань ходить. Думаешь, никто ничего не видит! Если подполковник мудак, так это еще не повод шашни с его женой афишировать. Мне уже три докладных было.

- Товарищ полковник! Да весь полк же...

- Весь полк! – Вдруг своим хриплым и простуженным командирским басом заорал Большепалов. Вы себе не представляете, что это такое. – Весь полк! А ты не смей! Ты еще молодых начни увечить! Ну, давай, как все, как весь полк! Давай! Иди отсюда!

Нога просто горела по новой. В голове стояла какая-то невообразимая смесь, что-то похожее на высокую температуру с железным скрежетом. Я встал и пошел к двери.

- Стой! Садись! Ладно. Из тебя нынче...хм...бычок - то.

Он широко и ясно улыбнулся.

- Осеменитель. Как из меня хунвейбин. Хоть какой-то прок от всей этой истории...Значит так. За пацана за этого, получишь отпуск. 10 суток, как положено. После того, как поправишься.

- Товарищ полковник! Как поправлюсь, так, как я понимаю, мне уже и служить – то почти ничего останется. Какой там отпуск.

- Подожди. Так ты что, уже на увольнение?

- Так точно.

- Дела. – Растерянно сказал Большепалов. – Кто ж мне станции – то отслеживать будет?

- Так есть же специалисты. Да еще с учебки пополнение прибудет.

- Ну ты демагог. Скажи спасибо, что ранен. А – то точно бы трое суток схлопотал за злые шуточки над командиром. Так. Что ты хочешь, Ершов? И учти, мне что – то все это начинает надоедать.

- Разрешите идти, товарищ полковник?

- Разрешаю. И это. Как ты говоришь, ваш старшина ротный тебя все время пытается?

- Когда я камень из-за пазухи выну...Вот чего я хочу. Уймите старшину. Зае...ал.

Полковник захохотал.

- Отличный личный состав! И прапор золото. Никуда я его не уберу. Хоть за роту душа спокойна. А ты доставай камень пока. И выздоравливай. Да. Я чего пришел-то. Завтра на моем ГЭТЭСе тебя в «Красную Ярангу» отвезут. Три цели пропустили, артисты. Грешат на локатор. А я думаю, при разворачивании напортачили. Разберись. А потом сразу в госпиталь. Как, осилишь?

- Да куда я денусь. Если, конечно, сейчас сразу спать лягу.

- Кругом! Шагом марш в постель!

Х Х Х

В дороге я сразу заснул. «Красная Яранга» самая близкая станция от полка. И , вот, как всегда, чем ближе к центру, тем больше хлопот. Я – то точно знал, в чем дело. Локатор там абсолютно не причем. Техника была высокоточной, устанавливал лейтенант Семененко. Он умеет. Не все, не как я, но умеет. Я то уже месяца через три просек

несколько моментов, которые делали эти установки ювелирными. А вы думали, что это так полковник со мной. И я - с ним. Чтобы не было ложных представлений. Полковник Большепалов – это такой служивый, который, если что не так, сгноит и не поморщится. И не вспомнит. Не проронит гуманную слезу. И солдаты от него также далеки, как простые сельские гавночисты от Генерального секретаря ЦК КПСС. Но я просек несколько моментов. И никто другой не мог так настраивать локаторы. Которые, если так выразиться, и делали ему карьеру. Если, конечно, вовремя и точно определяли нарушителей. Но для этого их нужно было очень качественно настраивать. Чувствуете, как одна хренотень цепляется за другую, и получается непрерывный цикл?! И никакая учебка не могла этой ювелирке научить. А я хрен кому расскажу, что надо при разворачивании непременно учитывать. Пусть сами догадаются. Да, что-то, все никак и никто.

Но в «Яранге» дело было не в технике. Дело было в Гусе. А Гусь был оператором на этой станции. Он стоял у модуля, симпатичного вагончика, курил, и тупо смотрел, как я, кургузо вывалившись из «газика», ковыляю к нему. Боль уже не то, чтобы притупилась, такая боль не может притупиться, а просто стала привычной. «Доведут до гангрены, – думал я, – надо по-быстрому с этим валенком разобраться. Ишь, лыбится. Деревня. Как был деревней, так ей на всю жизнь и останется. Никогда ему настоящим оператором не быть. Вот быкам хвосты крутить – это да. Это его...»

Все это было так. И все это было не так. Потому что природная тупость Гуся боевой работе особо не мешала. За год службы он уже автоматом настраивал локатор, и так же автоматически отслеживал воздушную обстановку. Ошибиться там было трудно, при определенных навыках. А они у Гуся были. Здесь сейчас совсем другой фактор играл роковую роль. Влюбился недавно старший сержант. И службу забросил, по большому счету. Помешать ему в этом практически некому было. Считалось, что если «Красная Яранга» под боком, то и контролировать ее особо не надо. Офицеры сюда почти не заглядывали. Все держалось на дедовских понятиях. Гусь был «фазаном». То есть, отслужил уже год. И имеет свои права. Вот он и влюбился. Метиска Даша, помесь русского с чукчанкой, красоты была невероятной. Я давно заметил, что все метиски на Чукотке были красавицами. И когда увидел Дашку, она на точку к нему из Уреликов бегала, про себя тут же решил : «Что-то больно жирно для Гуся. Его, поди, Матрена в Кукуевске ждет не дождется. На абордаж!» Да теперь, вот, и не знаю, какой абордаж с такими-то делами.

- Здорово, Ерш! Што, начальство пригнало? Да я сам разберусь. Сутки-другие нужны, и станция опять как часы будет. Чем это от тебя так несет?

Несло мазью Вишневского. Ну и рана, наверное, уже давала запах. Я – то не чувствовал. Но зло меня будто ошпарило.

- Ты как с дедом разговариваешь, черпак хренов!

Назвать «фазана», годка, «черпаком», полугодичником, это значит дать понять, что жить ему осталось немного. Хорошо жить, по «фазански». Год совсем недавней

подневольной, рабской, палочной, забитой жизни, сразу дал себя знать. Гусь побелел, маленький нос тут же ярким пламенем засветился на широкой курской физиономии, и он залепетал.

- Так я ета...товарищ дембель...так я што я папрашу извинений...

В общем, курский соловей. Из школы во втором классе отчислили. Господи, что ж я его так не люблю-то?! Мало их, что ли, здесь, в забытой Богом бухте Провидения? Что ты на него запал, Андрюха?

- Че со станцией? Пошли сразу на локатор.

- Может зайдем сначала в дом? Там ета, Дашка картафан нажарила...

- Успеем.

Аппаратуру он держал очень грамотно. Развернулись в минуты, даже быстрее, чем всегда получается. Я закурил.

- Ну и, какого спрашивается...че меня полковник из-за тебя долбит?

Он молчал. Только морда наливалась злобой. Ну, ладно. Сщас ты у меня позлился.

- Значит, так, сержант. Напишу сегодня рапорт, что ты три цели противника пропустил неизвестно по какой причине. Аппаратура в полном порядке. Не исключен злонамеренный умысел.

- Чевой-та? Какой умысел?

- А специально ты американцев не увидел. Наверное, завербованный. Граница-то, вот она. Эскимосы к нам часто навещаются. В гости. Вот кто-то из них тебя и купил. Пускай теперь капитан Котов тобой занимается. По моей части замечаний нет. Значит – только по его.

Капитан Котов – особист из дивизии. Его знали все, командование им личный состав вконец запугало. Гусь опять побледнел.

- Ерш! Неуж настучишь?

- А ты че предлагаешь? Что я скажу, что за твоей станцией не уследил, да?

- Ну ты ета...побойся Бога...ведь посадить же могут...

- Что значит – могут!? Посадят, сержант, как пить дать, посадят.

- Ну Ерш...ты ета...помилосердствуй. Че хошь для тебя сделаю.

- Ну а куда ты на фиг денешься. Значит, так. Сейчас десять раз выполнишь учебную тренировку. Потом кросс вокруг точки. Двадцать кругов. Потом отожмешься...до упаду. Только потом приходи. Понял?

- Так точно!

- Выполнять!

Гусь не спеша опять направился к антенне. Беспочинная злость перехватила мне горло.

- Стой!

Он остановился и повернулся ко мне. Я подошел к огромному валуну. Засунул руку в основание, достал из под мха большую бутылку портвейна.

- Ладно. Этот еще пригодится. Вон тот, видишь?

Гусь посмотрел на валун, гораздо, кстати, меньше, и угрюмо кивнул.

- Когда отожмешься, отнеси его в тундру. На тридцатую отметку, к летунам. Задание ясно?

- Так точно, - с ненавистью ответил Гусь.

- Ах ты сука! – Подумал я.

- А раз ясно, приступаем к выполнению. Шагом марш!

Гусь все так же не спеша повернулся и сделал шаг.

- Стой. Кругом!

Он повернулся.

- Службу забыл?! Кругом!

Гусь повернулся уже по строевому. Пошел.

- Стой! Строевым!

Гусь зашагал, вытягивая носок.

- Стой! Кругом! Еще раз цель пропустишь, не увидишь больше ни Дашки, ни станции. Сдам с потрохами. В роте обслуживания службу продолжишь. Будешь быкам хвосты крутить. Да мерзлый уголек ломом долбить. Для чего ты и на свет-то появился. Кругом! Строевым! Шагом марш!

- Стой! Кругом! Смирно! Ты вот что...ты ета...когда на отметку прибудешь, не забудь и свой камень выбросить.

Он стоял, пялился на меня.

- Ну, из за пазухи.

- Че это со мной. - Удивился я. Потом вспомнил старшину. – Ясно. Фрейдистский мотив.

- Понял?

- Так...ета... - выдавил Гусь.

- А. Ладно, - махнул я рукой, - вольно. Выполнять задание.

Больше я его видеть не мог. Я зашел в модуль. Там играла музыка, «Прощание славянки», и сидела Дашка, у которой по щекам текли слезы.

- Вот те раз! По какому случаю траур?

- Ну да, - она аккуратно вытерла слезы платочком, - уедете ведь. И ты, и он...

- Значит, все же, заметила меня. Ну, Андрюха, тут уж сам Бог...Ладно, какнибудь...Несет вот только от ноги... - соображал я.

- Слушай. Чем это пахнет?

- Ну ты же медсестра. Догадайся с трех раз.

- Так. Мазь Вишневского пополам с гноем. Ну, показывай, где у тебя что...

- Да ладно, Даш. Я отсюда как раз к вам, в госпиталь. На командирском«ГэТэСе».

- Каком «ГэТэСе». Он уехал недавно.

Я посмотрел в окно. Машины не было. Водитель, совершенно борзой молодой, совсем не понимал, куда он попал и что с ним теперь будет. Но сейчас мне от этого было не легче.

- Что, попал, солдатик, - она улыбнулась своей чукотской улыбочкой, и мне как-то вмиг полегчало, - ладно. Отведу я тебя. Там у тебя серьезно? Дойдешь? Как сам-то чувствуешь?

По тундре идти – не по асфальту. Мох мягко прогибается, пружинит, и, в общем и целом, даже такому инвалиду, как я, можно топать без особых усилий. Но я думал сейчас совсем о другом. Я держал ладонь на ее плече, и, чуть позади, шел как в тумане. Потом рука начала все же сползать. Дашка повернулась и опять улыбнулась мне прямо в лицо.

- Устал?

-Да. Давай посидим.

Минут через десять мы уже не сидели. Мы уже всю лежали. Потом я сел и закурил.

- Ты че, пожалела меня, что ли?

- Да нет. Ты мне сразу понравился. Причем тут пожалела?

- Ну, нога вот. Несет от нее.

- Да че ты...Че городишь-то?

- Ладно. Проехали. Ну, что, поковыляем.

- Поковыляем, - расхохоталась она. Как ребенок, ей Богу. Палец покажи – будет смеяться до упаду. Это такой местный менталитет. После него на большой земле трудно жить. Можно и по другому сформулировать. Жить не особенно хочется.

- Нет, подожди.

Я развязал вещмешок, достал из него реквизированный гусевский портвейн. Сухпаек чукотский : как всегда, долбаная горбуша. Но сейчас все это не имело никакого значения. Как-то хорошо на душе было. Даже боль куда запряталась. Так что, что уж тут горбуша какая-то.

Х

Х

Х

В госпитале меня уже ждал заведующий терапевтическим отделением капитан Вадим Аркатов, земляк, наш, бодайбинский парнишка. Полковник Большепалов расстарался с информацией. Парнишка был в отутюженной форме, накрахмаленном белом халате, в очках с золотыми дужками. Я вытянулся перед ним. Вадим нахмурился. Шутки он вообще не понимал, а мои так на дух не переносил. Еще там, дома. Хотя мы там и не дружили особо. Он был старше. Он взял меня под руку и отвел в процедурную. «Смените повязку». Сестра, менявшая мои марли, сказала : « Товарищ капитан! Тут же срочно надо...» «Люся! – Строго произнес Вадим. – Вот когда надо будет, тогда я вас спрошу. Меняйте...»

Потом он опять взял меня под руку и повел в свой кабинет. Ребята дорогие, я и на гражданке – то такой стол нечасто видел. А здесь, в бухте Провидения, на Богом забытой Чукотке, где даже кусок хорошей свинины считается жутким дефицитом... Да, Вадим постарался. Всякие там салями – малями, икра, та и другая, оленина всех видов, и, главное, картошка с укропом! Да нет, вы не понимаете. Укроп на Чукотке – это манна небесная. А со свежей картошкой – я уж прямо и не знаю, какие тут сравнения уместны. Их просто нет. В нашем полку картошку ели только размороженную. Гадость, но что делать. Просто привык со временем. Не иначе, Вадим в провиденском совхозе блат имел.

- Вообще-то ты не по моей части, - разлил водку Вадим, - но лежать после операции будешь у меня. Так, за встречу, земля!

- Какой операции? У меня открытая рана на ноге, ожог...

Он с интересом посмотрел на меня. Взял в руки темную бутылку виски «Баллонтайн», спросил.

- Может, виски?

- А, мне уже все равно. Давай.

Мы выпили. Капитан по-барски откинулся в своем каком-то очень широченном кресле и сказал.

- Вот смотрю я на тебя, Андрюха, и не перестаю удивляться. Вроде умный парень, и удар держишь хорошо, а как до дела дошло – баран и баран.

- Вы, товарищ капитан...

- О! Обиделся. Вы. Товарищ капитан. Ладно, слушай профессора. Ты что, всерьез считаешь, что твой ожог можно мазями вылечить? У тебя 3 степень плавно переходящая в 4, вся икра сгорела, еще день-два, и, если вспомнить, что ты лежишь в нашем госпитале, абсцесс, а за ним неминуемая гангрена. Антонов огонь. Дошло?! Понял?! Наливай.

- Значит так. Сейчас закусим хорошенько, и ты в кровать. Отбивайся, спи. Операции по утрам у нас. А я тут еще побезумствую. С подчиненными сержантами медицинской службы. Тиной и Ниной зовут. Нет, если хочешь, можешь остаться.

- Че, и мне дадут?

- А куда они денутся. Это, брат, Чукотка, а не Транспортная школа в Бодайбо.

- Не. Все. Спать хочу. Пока водяра на плаву держит.

Х

Х

Х

Разбудила меня старшая медсестра Зина.

- Так, больной, просыпайтесь. В операционную. Сами дойдете, или на каталке?

- Ну что, вы Зиночка. Конечно, сам.

Я встал и меня пригнуло от боли. Зина ухмыльнулась.

- Ну? Давай, каталку сейчас притартаю.

- Зин, где умыться?

- Ладно. Умыться. Я твою смазливую физию на операционном столе оботру. И все остальное. Пошли, раз ехать не хочешь.

Я шел за ней, как недавно по тундре за Дашей – положив ладонь на плечо. Зина по пути все норовила как-то найти контакт своей попы с моим телом. Нашла время. Впрочем, скорее всего, она это делала машинально.

Я растянулся на операционном столе, Зина «зафиксировала» мои ноги и руки. По-русски сказать, связала. В операционную с неповторимым четким каблучным акцентом зашла Анна Николаевна, подполковник, хирург, очень красивая, статная, породистая, высокая и крупная женщина.

- Ну что, Андрей, как самочувствие?

- Как всегда.

- Ага. Значит, отличное. Прекрасно. Начинаем. Зиночка, новокаиновая блокаду уже сделала, надеюсь? Обколола парнишку по полной?

Зиночка замялась.

- Так. В чем дело?!

- Тут такое дело, Анна Николаевна...

- Сколько раз говорить – на операции никаких Анн Николаевн. Товарищ подполковник. Что еще случилось?

- Не берет его новокаин, товарищ подполковник. Болевая реакция не ослабевает.

- Так. Ну, что? Что вчера пил, служивый?

- Намешал, товарищ подполковник.

- Ну, ты молодец. На губу бы тебя...

- Перенесем на завтра операцию, товарищ подполковник? - Спросила Зиночка.

- Чего это? Счас начнем...Пересадка кожи с правой ноги больного на рану.

- Так он же...

- Он солдат. – Отрезала Анна Николаевна. – Тем более, у меня завтра плановая, пятичасовая. Ну, ты как?

- Да давайте. Только не больно чтоб.

- Вот, видишь, шутит. Андрей, можешь материться, нас не стесняйся, раз такие дела. Начнешь хватать, меня не лапать, вон, Зиночка есть. Мне не мешать. Когда поправишься, там посмотрим. Зина, развяжи ему руки. Тебе все ясно?

- Понял.

- Не понял, а так точно.

- Ох, да так точно, так точно. Лучше бы спирту, дали раз блокада не действует.

- Размечтался. Поехали, Зиночка.

Ну а дальше, доложу я вам, был сущий ад. Подполковник медицинской службы скальпелем вырезала на икре правой ноги небольшой кружочек, переносила его на рану, а если что-то не довырезывалось, ну, там, миллиметр какой-нибудь, за него бралась Зина, орудуя своим скальпелем и пинцетом, аккуратно отдирала, а хирургиня резала следующий, потом возвращалась к зининому.

Среди этого кошмара я вдруг увидел крупные капли пота сквозь локон, прикрывавший лоб Анны Николаевны. В общем, ей тоже было не просто резать по живому.

И так восемнадцать раз.

Правда, я не считал, конечно. Не до того было. Зинка-то уже на следующий день, после обеда, пришла, и тут же с гордостью начала показывать всей палате свои бедра, все в моих синяках.

- А на жопе так вообще...ужасти, какие прелести...

Через день пришла и Анна Николаевна.

- Ну, как ты тут? Давай, посмотрим.

Она посмотрела ожог и осталась довольна своей работой. Потом осторожно спросила.

- Андрей, вот ты вроде интеллигент. Я, конечно, все понимаю...Ты где такого мата понабрался?

- Хм. Я скажу, вам обидно будет.

- Интересно. Ну, говори...

- Да у ваших же. У медичек. В студобщезитии. Еще до армии.

- А. Тогда понятно. Ну да, наши могут. Лучше бы не спрашивала...

- Я предупреждал.

- Да ты вообще молоток. Выздоровливай. Я думаю, перед выпиской встретимся. Поговорим.

Она посмотрела мне в глаза. Честное слово, первый раз в жизни я сам увидел, что «они покрылись матовой поволокой» - не банальная метафора. Я про ее глаза. Они ею покрылись. И, если уж продолжать тем же слогом, страсть в них была неподдельной. Да нет. Не то. Нешуточной. Мне было тревожно от этих глаз.

- Прямо рок какой-то, а не подполковник, - подумал я и ухнул в облегчающий сон.

Во сне я видел маму. Она тоже, как-то пронзительно смотрела на меня. И, наверное, уже от этого взгляда я и проснулся. Я лежал и думал : « Бог ты мой. Как же они похожи. Та ведь тоже со мной так же обходится».

И это было чистой правдой. Когда меня выперли из универа со второго курса, мне, чтобы восстановиться, надо было только от одного призыва откосить. Только от одного! Скажу вам, что в родном городке, в Бодайбо, куда я приехал раны зализывать, это большого труда не составило бы. Она сама привела меня в военкомат. Правда, в аэропорту, перед отправкой на эту благословенную землю, я впервые увидел, как она рыдает.

Игра стоила свеч.

Но я это понял гораздо позже.

Х

Х

Х

А у Анны Николаевны свои тараканы были. Слава Богу, очень безобидные. Просто, вспоминаю всех своих военных подружек, и думаю – очень безобидные. Короче говоря, не гоняла, посадив меня на нарты, в тридцатиградусный уэленский мороз, на оленях, вдоль пролива. Просто, чтобы доказать, что обычные, с зелеными погонами, погранцы, здесь только одну службу несут. И называется она – крепкий сон. И этот долбаный китовый жир жрать. Тьфу, прости Господи! И на снегу этим делом заниматься. Бодрит! Тонизирует! Оргазм качественней! У них, видишь ли, родители так всегда себя в норму приводят. Так не надо водку пить тоннами. Тогда, глядишь, и в яранге все это можно было бы испытывать.

Анна Николаевна любила поэзию. И обожала Есенина. И, сидя на ее огромном ложе, где она его только здесь, в тьмутаракани, нашла, тахта была ручной работы, из дуба, с высокой и толстой стенкой в изголовье, сильно походила на раритет из девятнадцатого века. Но – это была наша современница. Так вот, уже сидя, я, как-то, ничего не подозревая, процитировал ей Твардовского. Анна Николаевна села напротив и спросила : «Еще помнишь? Давай, Теркина. Давай, давай. А то разлюблю».

Переправа, переправа

Берег левый, берег правый

Снег шершавый, кромка льда

Кому память, кому слава

Кому темная вода –

Ни приметы, ни следа.

Так я ей шпарил поэму наизусть. И, в конце, поднялся, подошел. Начал целовать...

- Постой. – Отстранила она меня. – Почитай Есенина. Только не говори, что ты его не знаешь. Если не знаешь – тогда уж точно разлюблю.

Я и сейчас, когда вспоминаю этого подполковника в койке, напрягаюсь. А уж тогда-то...Я начал читать Сергея Александровича. Есенин не кончался. А я уже начал от него звереть. Анна Николаевна сидела и смотрела в одну точку. И ничего, конечно, уже давно вокруг не видела. Пора было делать последний выстрел.

Я по первому снегу бреду

В сердце ландыши вспыхнувших сил

Вечер синею свечкой звезду

Над дорогой моей засветил.

Я замолчал. Она очнулась.

- Что?

- Кто?

Анна Николаевна засмеялась.

- Иди сюда. Заслужил.

Х

Х

Х

И уж до самого конца я был для нее всем : солдатом, которого она спасла от больших неприятностей, любимым, который ее обожал, и она это чувствовала и знала, любовником, к которому шла с отчаянным сердцем, бешеным пульсом, от которого, бывало, на секунду, на мгновенье, теряла сознание...

Все мы, конечно, понимали. Все было неумолимым. В силу сложившихся непреодолимых обстоятельств. Ей, ей, фатальных. Ей под сорок, мне только за двадцать. Наверное, потому так отчаянно и любили, в последний раз. А что же. Так и было. В последний раз. На прощание я незаметно сунул в ее ежедневник стихотворение, написанное накануне ночью. Она же любила поэзию. И я решил, что лучше подарка нет. Я его написал в одну минуту, переписал начисто, и уж больше не перечитывал. И только через время, когда все же прочитал, понял, что натворил. Более жестокого поступка и представить себе невозможно.

Да.

Но это был поступок искренний.

Вспомни меня.

Проснись с утра и вспомни.

И от огня

Которому нет ровни

Вдруг отшатнет тебя.

Вспомни меня.

После полудня вспомни.

И ласка солнца

Свет чудесный горний...

И десять баллов затрясут тебя.

Вспомни меня.

В кровати, ночью, вспомни.

Закрой глаза.

И чудища, чурбаны, корни

Вновь попытаются обнять тебя.

Ты поняла?! У смертного одра

Вспомни меня.

И покачнется ветка дыма

От незажженного костра.

Х

Х

Х

Только нас построили на полковом плацу, как началась пока еще небольшая пурга. Они здесь начинаются и заканчиваются мгновенно. Делать нечего, стояли, слушали сначала какого-то фрукта - пустобреха из Провидения. Потом нам на дорожку сказал пару слов полковник. Говорить он не умел, зато он был в папахе. Этот головной убор был слабостью нашего родного командира. Вот вопрос : снимал ли он ее, ложась спать? Не знаю, не знаю...Во всяком случае, за столом норовил оставаться при ней. Даже комдив как-то заметил : « Ты, Ваня, наверное, в Узбекистане родился».

Наконец, полковник скомандовал : « Полк! Равняйся! Смирно! Прямо – шагом марш!»

Впереди колонны шли мы – полвзвода уволенных. Прямоком в аэропорт. Прямо отсюда. Чемоданы дежурный по роте уже выставил около крыльца казармы. И никаких – налево, направо. Только прямо.

Пурга мела уже вовсю. Снег слепил, шагать было трудно. Проклятушая Чукотка, даже уехать спокойно не дает. Проходя мимо полковника, я, по команде, повернул голову в его сторону. И, одновременно, огромной силы заряд и «Прощание славянки» ошеломили нас. Я поймал взгляд полковника. Он снял папаху. В ту же секунду очередной залп пришелся на его лысый череп.

Майский снег таял на наших лицах мгновенно. И текла по ним какая-то подозрительно соленая вода.

